

Г.С. Померанц
Кризис Запада и Ислам
(Интервью)

Члены редколлегии периодического издания «Актуальные проблемы Европы» Т.С.Кондратьева и И.С.Новоженова встретились в апреле 2007 г. с российским культурологом и философом Г.С.Померанцем, чтобы поговорить о проблемах, связанных с интеграцией мусульман в постхристианскую Европу, переживающую духовный кризис.

Вопрос. Европа в течение многих столетий была землей христианской религии и культуры. Но за последние несколько десятков лет, почти мгновенно по историческим меркам, здесь укоренились и другие мировые религии. Местное население особенно обеспокоено распространением ислама, который исповедуют иммигранты, прибывшие из стран, не входящих в сферу христианской и демократической культуры Запада. Они в той или иной мере стремятся сохранить собственную идентичность, некоторые элементы которой противоречат европейской культуре. Численность мусульман и их потомков постоянно растет (на фоне европейского демографического спада), у них высокий уровень религиозности (в постхристианской Европе). По некоторым прогнозам, Европа через 50 лет будет мусульманской. Каким может быть выход из этого положения для Европы и возможно ли опереться на опыт истории?

Г.Померанц. Если говорить об истории, мусульмане были образцом терпимости в мавританской Испании периода династии Омейядов, когда в Европе была страшная религиозная нетерпимость. Европа в VIII–X вв. была дикой, варварской, ислам же был гораздо цивилизованнее. В то время в Испании сложилось мягкое, гуманное, плюралистическое общество. Арабы, вторгшиеся в Испанию, уже размякли, жили городской жизнью и перестали быть «воинами пустыни».

Первая волна берберов (Альморавиды) довольно быстро завоевала арабскую часть Испании. Берберы были вовлечены в ислам позже, чем арабы, и как многие новообращенные, они ревностно относились к религии. Попав в Испанию, они увидели, что там все «испорчено», там господствует мультикультурность, которая им была отвратительна. Но как многие неопиты, они были ревностны несколько десятков лет, а затем их втянула сладкая городская жизнь. Следующая волна берберов (Альмохады) опять ворвалась в Испанию. По сравнению с жизнью в пустыне, испанские города были для них так же притягательны, как нынешний Париж или Лондон для мигрантов из развивающихся стран. Конечно, все это происходило на фоне продолжающейся борьбы с кастильцами – арагонцами, каталонцами, наступавшими с Севера. Кончилось тем, что мусульманам пришлось совсем уйти. На этом примере ибн Халдун построил циклическую теорию истории: варвары завоевывают культурный центр, затем они поддаются развитой утонченной культуре; следующая волна варваров повторяет все сначала. Этот круг в Испании, действительно, повторялся несколько раз: готы, арабы, берберы.

Таким образом, ислам уже был в Европе – с середины VII-го века – и был оттуда вытеснен. Арабов остановили в битве при Пуатье в 732 г. Турок остановили у ворот Вены и заставили их отступить, когда поляки пришли на помощь австрийцам (это случилось в XVII в.). В то время Франция сотрудничала с турками, но наступательный порыв турок начал спадать с 1700 г.; Турция медленно, но верно отдает все, что захватила.

Вопрос. Тогда было военное вторжение, а сейчас Европа, нуждаясь в рабочей силе, сама открывает перед мусульманами двери и не собирается никого изгонять, напротив, она стремится интегрировать мусульман в свою культуру и смягчить ислам, превратив его в евроислам.

Г.Померанц. Структура наций в Европе представляет собой концерт культур. Степень жесткости разных религий в разное время неодинакова. В

Средние века толкование Библии шло под угрозой обвинения в ереси. В исламе это положение сохраняется по сей день. Однако периоды относительной свободы в исламе случались. Причем в условиях относительной свободы арабские традиции иногда ставились под вопрос. Порой влияние персов брало верх. В мавританской Испании было влияние и местного населения, и евреев. Наличие плюрализма культур способствовало смягчению жесткого коранического мышления. Все время происходили колебания.

Очень интересная проблема – евроислам. Это облегченная форма религии, не требующая от верующих никаких крутых духовных поворотов. Может быть, прожив достаточное время в Европе и общаясь с местным населением, мусульмане постепенно станут несколько другими. Есть группы образованных мусульман, которые общаются с образованными европейцами. Через 50 лет роль образованных мусульман, которые стремятся к цивилизованному, европеизированному исламу, может оказаться решающей. Мы этого не знаем. Но вот вопрос: сколько европейцев захватит евроислам? Все-таки есть традиции культуры, многое связано с религией в литературе, в искусстве. Возьмите Россию, где петербургский период длился более двухсот лет, а сколько в нашей классической литературе ниточек тянутся к традициям византийской (т.е. православной) религии. Не исключена вероятность, что евроислам окажется просто модой.

Но в истории всегда возможны неожиданные повороты, может произойти ни то, ни другое, а что-то третье. Как третье я допускаю какую-то такую подлинную мультикультурность, не ориентирующуюся специально на мусульман, но вовлекающую их в свой круг.

Вопрос. Сегодня попытка интегрировать инокультурные группы населения предпринимается «больной» Европой, ее традиционные ценности находятся в кризисе.

Г.Померанц. То, что сейчас происходит, впервые назвал Шпенглер¹: «Упадок Запада». Переводчики не посмели думать о закате богатой Америки и перевели на русский язык «*Untergang des Abendlandes*» как «Закат Европы». Это совершенно искажает мысль автора. Для него *Kulturkreis*, культурный круг (устойчивая коалиция культур, способная выдерживать кризисы без распада) охватывала все страны западных христиан, где бы они ни жили и где бы ни был в ходу латинский шрифт. А то, что Америка экономически процветает, для Шпенглера ничего не значило. Он мыслил веками. Сегодня процветает, а завтра наступит «великая депрессия» (этого он не мог предсказать, но так и в самом деле случилось в 1929–1933 гг.) И сегодня я мог бы процитировать книгу американца Патрика Бьюкенена «Смерть Запада»². Об экономике там опять же ничего нет. С экономикой все, как будто, ладится. Но рождаемость падает. Коренные американцы вымирают, и рабочие места занимают мексиканцы, в двух штатах они уже составляют большинство. Две волны, латиноамериканцев и афроамериканцев, продолжают нарастать, того гляди, они заполнят «страну господ Бога». И сами американцы начали сомневаться – не отступил ли от них Бог? Не счел ли он их ненужными для своих дальнейших неисповедимых планов? Не суждено ли им раствориться в новых людских волнах?

Ученые ждали рокового кризиса от истощенности природных ресурсов, от разрушения естественной среды. На сегодняшний день ресурсов еще хватает и естественная среда не до конца испоганена, но первыми стали исчезать люди, по крайней мере, в постхристианском мире. И в Америке, и в Европе резко снижается рождаемость. Смертельной

---

¹ Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993. – 303 с.

² Buchanan P.J. The Death of the West. – N.Y., 2002. Реферат книги Бьюкенена опубликован в сборнике: Западная Европа перед вызовом иммиграции // Актуальные проблемы Европы. – 2005. – № 1. – С.28-44.

оказалась мудрость прагматиков: не думать ни о каком светлом будущем, не рваться к звездам, а просто жить в свое удовольствие. Ну вот и пожили.

Вопрос. Такая фундаментальная ценность Запада, как свобода, нередко приобретает извращенные формы, выливается в безудержный гедонизм и вседозволенность. Это вызывает со стороны мусульман протест и нежелание интегрироваться в «порочную», по их мнению, среду. Но и сами европейцы, по крайней мере, многие из них, считают такое развитие пагубным для Европы.

Г.Померанц. Я думаю, что эксперимент свободы, эксперимент мысли, отбросившей все табу, был поставлен историей не случайно, и поставлен дважды – в греко-римском мире и в Новое время. На первый взгляд, он дважды кончился провалом. Вернее, один раз кончился и второй раз – кончается. Но подвиг Прометея не был бесплодным. Греко-римский мир оставил нам основы логики, права и некоторых других наук. Современный мир передает будущему единую систему информации, охватившую весь земной шар, и серьезно ставит вопрос о диалоге цивилизаций и религий.

Первый эксперимент свободы начался еще задолго до Рождества Христова в средиземноморских городах-государствах – центрах международной торговли. Это были небольшие свободные купеческие города, жители которых занимались посреднической торговлей между шумерами, Египтом и полудикими племенами Европы. Они плавали по Средиземному морю, грабили, торговали. Эти города были, как правило, организованы по демократическому принципу. В них сложились условия для демократии: сравнительно широкая грамотность и возможность всем вместе собираться на площади и обсуждать свои дела (в России так было в Новгороде). Впоследствии тип города–государства распространился по всему северному побережью Средиземного моря. Оно изрезано полуостровами, располагавшими к мелкозернистой структуре

человеческих общин. Само море, сравнительно тихое, пригодное для примитивного мореплавания, было большой дорогой, которая связывала народы, не порабощая их. Финикийские и греческие колонии, рассыпавшиеся по берегам, показывали пример города–государства, и он был подхвачен повсюду. Можно назвать это первым шагом торгово-колониальной глобализации.

Именно в этих городах возникли логика и философия, оторванные от предания, незыблемого в Египте. И социальные отношения здесь пытались построить на основе логики. Логика приводила к четкому делению: раб – свободный. И до конца это было доведено в Римской империи: раб рассматривался как «говорящее орудие». Здесь была создана рабовладельческая демократия, в которой свобода одних четко отделилась от рабства других. Совсем иная точка зрения на рабство была у евреев: рабство продолжалось только семь лет, нельзя было дать больше 40 ударов плеткой и, если при этом совершалось членовредительство (например, был выбит зуб), то раб выходил на свободу. Это была полная противоположность римскому отношению к рабу, где рабами кормили мурен, чтобы вкус этих рыб был приятнее. С помощью рабов было много построено, но «говорящие орудия» потеряли желание заботиться о своем потомстве. Римские латифундии были для них фабриками смерти. Кроме того, благодаря росту латифундий в Рим выбрасывалась волна римлян, не имевших земли – пролетариев, которые жили за счет того, что их подкармливали хлебом и зрелищами. Они были иждивенцами государства; правда, они ходили в военные походы, когда такое случалось; это были солдаты в отпуске – достаточно разложившаяся масса.

Эксперимент свободы, проведенный Римской империей, кончился тем, что Рим рухнул, потому что он мог держаться только на непрерывных военных победах, которые доставляли массу новых рабов. А когда империя достигла своих естественных границ – при тогдашних средствах

сообщения просто невозможно было отодвинуть эти границы слишком далеко, – империя начала пустеть. Население вымирало. Исследователи пытаются объяснить это разными причинами, но, на мой взгляд, люди умирали, потому что они были поставлены в нечеловеческие условия. Империя стала пустеть, пришлось запускать одних варваров для того, чтобы спастись от других варваров. Например, селили на границах готов, чтобы они защищали от гуннов. Часть варваров при этом становились номинальными христианами, но римлянами они не стали.

Второй эксперимент свободы был поставлен в Новое время. Если первый эксперимент свободы в Европе кончился крахом Римской империи, то второй – нынешний – ускоряет и углубляет кризис Европы. Демографический кризис – это следствие развития свободы и индивидуализма.

Существует какой-то оптимум индивидуальной свободы, неуравновешенная свобода – губительна. Есть оптимум развития любой страны, любого аспекта культуры, каждый аспект культуры должен быть уравновешен другими аспектами; венок культуры крепок, когда одно уравновешено другим. Если какой-то аспект культуры вылезает, он становится разрушительной силой. Такой разрушительной силой становится индивидуализм. Сегодня Шмеман подчеркивает, что полная свобода – это свобода во Христе: «Познаете истину, и истина сделает вас свободным»³. Евангельская «истина» – это не частная истина, можно назвать ее чувством Целого. Однако чувство Целого разрушается современной культурой, потому что вся современная культура рассчитана на блестящую разработку частных, анализ, построение все более сложных конструкций. И ум, все сильнее в это устремленный, теряет чувство Целого, а расцвет культуры – это равновесие между чувством

---

³ Шмеман А. Дневники. – М., 2005. – С. 18–20.

Целого и разработкой частных. В наше время данное равновесие нарушено.

После крушения эксперимента свободы в Риме и заполнения его варварами, начался новый круг, но раннее Средневековье было хаотично, государственного порядка не было. При отсутствии порядка вольные города стали полугосударствами, и в этих вольных государствах восстановилось римское понятие о гражданских правах. Произошел, однако, важный сдвиг! В отличие от Рима, в этих городах работали не рабы, а сами граждане. Вот это было открытие, создавшее новую эпоху: гражданские свободы, основанные не на труде рабов, а на труде самих граждан.

Сперва казалось, что начался неудержимый прогресс. Но потом выяснилась приманка Мефистофеля. Дело все равно стало демоническим: появился мистер Домби как машина бизнеса, появился Каренин как бюрократическая машина. И эти биологические машины запускают развитие, которое только кажется прогрессом. В XIX в. была голубая мечта, что прогресс приведет к всеобщему счастью. Но оказалось – не так, прогресс только заменил грубый физический труд трудом нервов: вместо того, чтобы пахать, надо было управлять техникой. И не лучше ли было пахать и сеять, чем стоять около атомного реактора?

На людей совершенно неожиданно обрушилась мировая война и, начиная с 1914 г., все чаще казалось, что нет никакого шага вперед, к цивилизованности – в смысле смягчения нравов и тому подобное. Из человека полезло одичание, требовалось одно – остановить дробление Целого культуры, восстановить устойчивость в семье и обществе. Но этого не происходило. В конце концов, общее между фашистами и коммунистами в том, что они вводили стихийное развитие в рамки известного плана. После двух войн победу одержала мнимолиберальная

стихия, но она ведет к безграничному росту техники, в которой человеку не остается места.

Очень многое в экспериментах Запада зависело от политики церкви. В средние века церковь сохранила полную свободу, и она с железной последовательностью распространяла латынь – от Испании до Польши; в результате, возник мост между древней цивилизацией и Новым временем. Появилась возможность открыть университеты, возродить науки и т.д. В результате следующий виток цивилизации произошел уже не столько в Средиземноморье, сколько на Западе Европы. Почему этого не получилось в Византии? Византийская цивилизация не внедряла свой язык среди народов своей веры, целостность культуры осталась достоянием только самих византийцев, и достаточно было нанести удар по Византии, чтобы византийский культурный круг прекратил свое существование.

Оздоровление всей западной цивилизации, распространившейся по земле, вместе с ее СМИ, культом наслаждений и насилия, вместе с наркотиками и СПИДом, невозможно без ограничения западной свободы, вышедшей за свой оптимум. Каждая ценность, выйдя за оптимум своего расширения, становится разрушительной силой и взрывает целостность культуры. Свобода твари, потерявшей чувство связи с Творцом, становится своего рода «пятой колонной», и если Запад не сумеет сам себя ограничить, не остановит роста гомосексуализма, наркомании и СПИДа, то он потеряет свою роль мирового лидера.

Вопрос. Свобода, доведенная до крайности, ведет к падению нравов в обществе и к кризису индивидуальной нравственности. Именно это наблюдается на протяжении последнего века. Может ли процветать общество, в котором размыты этические начала? Какие примеры на этот счет дает история?

Г.Померанц. Нельзя сохранить те нравы, которые сейчас господствуют на Западе, и противостоять исламу с его, может быть,

дикими, но твердыми нравами. Известная твердость нравов должна быть. В чем-то ислам может дать толчок к выходу из нынешнего хаоса.

Вполне возможно, что кризис может разрешиться духовным и моральным возрождением. Так после Калигулы и Нерона произошел сдвиг к христианству. Языческий Рим пал в ноги Откровению, да еще чужого, презираемого племени евреев. Ибо грекам были даны многие дары, но не все. В Средиземноморье гений был разбросан: философский и художественный – грекам, политический, юридический и административный – римлянам, а устремление к единому Богу – евреям. И хотя византийцы приспособили еврейские откровения к своим греческим вкусам, основы Ветхого и Нового Завета – еврейские.

Что же привело к такому итогу? Оказалось, что рассуждение, основанное на произвольно выбранных принципах (аксиомах), хорошо только в математике. В философии досократиков, пытавшихся выстроить мир как логически последовательную систему, оно привело к нескольким отвлеченным идеям, доведенным до абсурда, а в нравственной философии, до какой-то степени проверяемой поведением, – к возможности найти прекрасное основание для любого дурного дела (в этом усердно упражнялись софисты) и в итоге – к падению нравов. Практическая нравственность, из-под которой был выбит миф о таинственных предках, не нашла другой опоры и повисла в воздухе.

Роковой толчок дал принцип: «Мудрому не нужен закон, у него есть разум». Тут надо было бы продолжить: такой разум, как у Сократа, разум, сознающий свои границы, разум, сочетающийся с интуицией, угадывающей, когда закон или принцип, выйдя за пределы своей применимости, становится нелепым и губительным. Но истинно мудрый не отбрасывает закона. Он настаивает только на интуиции, указывающей на точки перехода, за которыми добродетель становится пороком. Сократ обладал нравственной интуицией, но он не мог научить ей других, у него

не было за плечами традиции пророков, очищавших и очищавших Откровение, пока не выступили вперед две самые главные заповеди: полюбить Бога больше всего на свете и возлюбить ближнего, как самого себя. Однако полную истину дает только *поведение* Христа. Заповеди любви устанавливают лишь общее направление к целостной истине, на которую может опираться нравственный выбор. Они указывают, что где-то заповеди Моисея перестают действовать, но не говорят: вот здесь! или: вот там! И можно понять возмущение фарисеев, которых Христос толкал шествовать по водам без спасательного круга точного непреложного закона. То, что суббота для человека, а не человек для субботы, – правда в устах Христа – Господина субботы, но она может стать ложью в устах профана.

И св. Августин пошел на огромный риск, высказав вслух тайну Христа: «Полюби Бога и делай, что хочешь!». Что значит эта свобода? Что значит, – совершенно полюбить Бога, стать пустым сосудом, наполненным Божьей волей? Что значит найти Божий след и не терять его? Антоний Сурожский прекрасно описал, как он искал Божий след и как находил его. Но это его личный опыт, а не правило, доступное школьному изучению. Внеличного способа уравновешивать риск свободы нет.

Не так просто полюбить Бога больше всего на свете. Легче легкого подменить любовь ненавистью к врагам или просто ненавистью, вскипающей в растревоженном сердце. Свобода расковывает силы мысли, создает могучую культуру – и взрывает ее изнутри. Сумеем ли мы остановить начавшийся распад? Не пригодится ли Западу – как в прошлом греко-римскому миру – капля восточной мудрости?

Конфуцианство устанавливает примат семейных ценностей над государственными. Считаю, что нельзя построить прочное государство, если лишить человека сферы, где его отношения устроены на любви. Любовь в конфуцианстве – своеобразная: воспитывалась в первую очередь

любовь к отцу, а потом уже к другим родным. Конфуцианство создало общество, основанное на человеческих отношениях в большой семье, на преемственности, передаче ценностей от отца к сыну, и это – устойчивое общество.

Можно сформулировать принцип: невозможно устойчивое общество без свободы, но оно невозможно и при полном отсутствии принуждения, не только внешнего принуждения, но внутренней установки. «Что хочу, то и буду делать» – это идеал двенадцатилетних мальчиков и девочек. Он утверждался Возрождением: «О, как молодость прекрасна и мгновенна, пой же, смейся, счастлив будь, кто счастья хочет, и на завтра не надейся». Ну вот «не завтра не надейся», а далее наступает развал. Возрождение рухнуло. Должно быть сочетание внутренней свободы при умеренном ограничении. Необходим компромисс между принуждением и свободой.

Недаром сейчас возрос интерес Европы – не всей конечно, а наиболее ее тонкой части, – к культуре Востока. Современное общество требует чувства долга, с одной стороны, и сферы внутренней свободы – с другой. Этого общества сейчас нет. Арабская волна, которая вносит порядок VII-го века в XXI в., тоже не годится. Ни тот, ни другой порядок не годятся. Как из двух ошибок сделать одну стоящую вещь – это проблема истории, не знаю, как она решится.

Вопрос. Можно ли возродить нравственность без опоры на духовность? Как возродить веру, которая бы поддерживала нравственность, объединяла общество и удерживала его от распада? Не эти ли вопросы ставит перед современной Европой столкновение с миром ислама?

Г.Померанц. Опыт истории показал, что в этике краеугольный камень должен иметь трансцендентный выход. Может быть, натиск ислама заставит нас понять, что религия – вещь серьезная.

Опираясь на древний мистический опыт, записанный в Книге, монотеистические религии считали себя вправе преследовать и казнить новых мистиков (чего нет ни в Индии, ни в Китае). Вся история монотеизма запятнана казнями еретиков и религиозными войнами. В конце концов, европейцы устали от собственной нетерпимости. Духовная элита XVIII в. стала толерантной. Но это оказалось связанным с упадком самой веры – веры в реальность духовной глубины. Один за другим люди теряли контакт с ней, и постмодернистская Европа стала одновременно и постхристианской.

Оставшись без веры, Европа попала в ловушку социальных утопий. Потом, устав и от идеологических войн (не менее жестоких, чем религиозные), европейцы отвернулись от всякой захваченности Идеей, от всякой цели, требующей жертв. Провал всех религиозных и идеологических увлечений привел к общей опустошенности и к торжеству гедонизма. Сегодня религиозный фанатизм, заново вспыхнувший в исламе, противостоит происходящему на Западе вырождению свободы в духовный хаос и грозит навести порядок, какой был при праведных халифах. Но идея «светлого прошлого», заменившая идею «светлого будущего», – очередной фантом истории. Исламские сторонники остановки развития готовы на жертвы и играют на выигрыш, а Европа, отступая, рассчитывает на победу здравого смысла, никем не гарантированную. Между тем, духовный кризис Запада становится глубже и глубже, а одержимость мусульманского экстремизма все неистовее. Преимущество мусульман в том, что у них идеологический фанатизм соединяется с религиозным фанатизмом. Их религия заставляет людей жертвовать собой, а в Европе решительно нет людей, готовых жертвовать собой. Но ни одна победа не возможна без готовности жертвовать собой. Я был на войне, я это прекрасно понимаю.

Проявляется усталость Европы, распространяется убежденность, что никто всерьез ни к чему не относится. А между тем мусульманский

экстремизм относится к своему безумию совершенно серьезно. И получается, что именно отсталость ислама, то, что он находится как бы еще в периоде, допустим, 30-х годов прошлого века, является его козырем. Новое вторжение ислама в Европу возможно, если она не сумеет продержаться несколько десятков лет, пока не выдохнется этот накал мусульманского фанатизма, – а я думаю, что он выдохнется, – в истории ислама несколько раз бывали периоды разгорания фанатизма и его угасания.

Вопрос. Почему тысячи европейцев (среди них много известных деятелей культуры) переходят в ислам, почему они не выбирают близкое им по культуре христианство?

Г.Померанц. Для ответа на этот вопрос надо бы иметь гораздо больше информации. Но мне приходят на ум два фактора. Первое – это то, что *христианство перегружено мифологией*, возникшей две тысячи лет тому назад. Может ли современный человек верить в непорочное зачатие? Протестанты постепенно начали отходить от этого мифа, за него держатся более консервативные христианские конфессии. Ислам – относительно поздняя религия, в ней меньше мифологии, она ближе к рационализму, проще. Ислам, освобожденный от некоторых варварских и явно устаревших черт (например, от клиторотомии) и немного перестроенный на европейский лад, я бы сказал ислам в духе Махмуда Тахи, был бы вполне понятен европейцам. Обращение отдельных групп населения в такой ислам вполне возможно. Насколько далеко может пойти этот процесс, – не знаю, во всяком случае, почва в Европе – в виде падения влияния христианской церкви – уже подготовлена.

Второй фактор выбора в пользу ислама заключается в том, что быть истинным христианином трудно. Серьезный подход к Евангелию *требует от человека глубокой внутренней перестройки*. Христос требует от человека не просто: «Оставьте все и идите за мной». Просто отойти – это

не хитро. Он требует: «Будьте подобны мне, как я – Отцу моему небесному». В христианстве главная трудность даже не в преодолении мифологии, а в нравственном и духовном требовании «Будь подобным мне, как я подобен Отцу моему». Но чтобы прийти к этому, нужен долгий путь духовного преображения или благодать, поэтому призыв Христа сейчас так же трудно выполним, как и две тысячи лет тому назад. Мохаммед этого не требует. Современный поверхностный рационализм скорее примет то, что надо пять раз в день молиться, чем то, что требует Христос. То есть с постмодернистским рационализмом ислам совместимее. Но и христианская церковь практически никогда не строилась на требовании Христа быть как Он, она путается между Христом и Великом инквизитором и ближе скорее к последнему. Великого инквизитора она понимает, приспосабливается к сегодняшней моде, к каждой стране, к каждому десятилетию, а к Христу приспособиться нельзя, и то, что христианство и христианские церкви созданы не Христом, – это бросается в глаза.

Вопрос. Видите ли Вы какие-нибудь пути выхода Запада из кризиса?

Г.Померанц. Одним из таким путей выхода из нынешнего мирового кризиса мог бы быть межконфессиональный диалог. Контакт между христианским и буддийским мирами полезен обеим сторонам, он может создать силу, противоположную той лихорадке, которая охватила ислам, пытающийся решить современные проблемы возвращением к VII в.

Но диалог религий мало что дает, если не признать положения, которое мы с Зинаидой Миркиной защищаем в книге «Великие религии мира»⁴, – а именно, признать, что «глубина» каждой религии ближе к «глубине» другой великой религии, чем к собственной «поверхности». На последней глубине все Писания – святы, противоречия между ними есть лишь результат неловкого человеческого перевода несказанного Божьего

---

⁴ Миркина З.А., Померанц Г.С. Великие религии мира. – М., 2006. – 279 с.

слова. Несказуемое и неделимое осмысливается умом, перекладывается на языки человеческого опыта – санскрит, иврит, пали, арабский.

В 1996 г. в Швейцарии я слышал, как Далай Ламу спросили, в чем сущность ламаизма, и он ответил, что главное – любовь в сердце, а метафизические теории, буддистские и христианские, – дело второстепенное. А в книге Рихарда Вурмбрандта «Христос спускается в тюремный ад» я прочел: «Число наших конфессий можно было бы сократить до двух. Первой из них стала бы ненависть, которая использует обряды и догмы, чтобы нападать на других. Другая – Любовь, которая позволяет очень разным людям познать их единство и братство перед Богом»⁵.

Вопрос. Ислам не вступает в диалог с другими религиями. Почему?

Г.Померанц. Генетически, по происхождению, все авраамистические религии – одна семья; но гомологически христианство подобно буддизму (личность выше текста), а ислам – иудаизму (текст выше личности). Эта разница между христианством и исламом усиливает позиции фундаменталистов – противников диалога. Однако главная трудность на пути к диалогу с исламом – не в этом. Суфии научились обходить метафизические препятствия, используя метафоры и притчи. По существу, они создали, рядом с Кораном, опираясь на мекканские суры и отбрасывая мединские, новое Писание, Новый Завет. И в Средние века именно суфии подходили к порогу диалога, не встречая ответа со стороны христиан. Порог, который сегодня трудно переступить, – в политике. Ислам неотделим от политики. В Средние века он занимал позицию силы, христиане или иудеи Ближнего Востока ему не угрожали, и мусульмане могли не думать о политическом ущербе. Сегодня они не могут о нем не думать.

---

⁵ Вурмбрандт Р. Христос спускается в тюремный ад // Мученики веры. – М., 2002. – С.149-150.

Ислам с самого своего истока, с Корана, с его мединских сур, – это учение о священном социально-политическом порядке. Мусульмане воевали друг с другом не из-за разных способов Спасения. Главным был вопрос, как и кто будет наследовать престол халифов – потомки Али или любые другие достойные люди. Поэтому нельзя, начиная диалог с исламом, вынести за скобки политику, в частности, такие вопросы как создание Израиля, проблема Иерусалима, судьба палестинских беженцев. Диалог с исламом неизбежно принимает богословско-политический характер. Это заставляет нас оставить глубины духа, где горит вечно живой огонь любви, и подняться в поверхностные слои опыта, где царит вражда и война. Как при этом не потерять контакта с глубиной, с высшим разумом?

Ислам в процесс диалога не втягивается. Эта ситуация может привести к катастрофе, а может привести к новому решению, к новому повороту, потому что, в конце концов, если человечество не истребит себя в бессмысленных столкновениях, то какой-то глобальный диалог великих культур и великих религий вполне возможен. Он может осуществиться в духе «Розы мира» Даниила Андреева. Но пока это все повисает в воздухе.

Вопрос. Если в обозримом будущем отношения с исламом нельзя отрегулировать путем межконфессионального диалога, то что может предпринять Европа, чтобы избежать конфликта с мусульманами на своей территории?

Г.Померанц. Мы всегда должны предполагать вмешательство и других факторов, например, участие других культур. В ближайшие 40–50 лет, когда в Европе будет катастрофически падать рождаемость, в это же самое время будет расти мощь Китая. И неизвестно, как эта растущая держава в перспективе отнесется к тому, что фанатичный ислам получит в свое распоряжение техническую мощь Европы, которую он, по-моему, не собирается разрушать, а собирается освоить ее достижения и употребить

их в своих целях. Если предположить, что Китай сочтет это для себя невыгодным, то он найдет способ – это теоретически возможно – прекратить нарастание мусульманского населения в Европе, уравновесить его другими – немусульманскими – этническими вкраплениями. Культуры индийского типа или китайского симбиоза конфуцианства с буддизмом способны ужиться с европейскими культурами и создать пространство мультикультурности. Вероятно, было бы разумной политикой со стороны самой Европы принимать у себя китайскую и индийскую иммиграцию (языковой барьер вполне возможно преодолеть).

Сейчас снова, как две тысячи лет тому назад, нужен мощный духовный противовес бездуховности, и в общем потоке глобализации Китай незаметно впитывает – во всяком случае, это можно предположить – некоторые авраамистические религиозные идеи. Глобальному Китаю нужна будет глобальная религиозная ориентация, и он ее, быть может, создаст. Европе же не помешает глубокое и общее знакомство с религиозностью двух древнейших цивилизаций земли, обошедшихся без религиозного фанатизма, это увеличит шансы на понимание общей «глубины» трех авраамистических религий (в католической теологии уже происходят заимствования восточной мудрости). И хочется верить, что религиозный фанатизм, религия ненависти, использующая догмы и обряды для насилия, станет провинциальным уродством.

Я не говорю, что все будет именно так. Мы должны учитывать, что мы живем в мире, в котором происходит что-то для нас неожиданное. Поэтому то минимальное духовное сопротивление, которое сейчас существует в Европе, должно продолжаться, можно лишь уповать на то, что возникнут какие-то новые факторы.

Вопрос. Будущее от нас скрыто, но может быть, просматриваются какие-то обнадеживающие перспективы в развитии Западной Европы и мира в целом? Что самое важное, на что может ориентироваться Запад?

Г.Померанц. Вполне возможно, что болезнь современного Запада, распространившаяся на весь мир, приведет не к смерти, а к выздоровлению, к освобождению от чувства превосходства над другими цивилизациями и культурами, которое постоянно проявляется в работах американских теоретиков и в средствах массовой информации. Но если Америка, претендующая на роль учителя всего мира, станет скромным учеником в беседе с восточной мудростью, сохранившей чувство целого и смысла жизни, то в этом случае еще не все будет потеряно. Главное понять, что Запад не идеален, что на одних правах человека общество строить нельзя, что надо восстанавливать в качестве краеугольного камня трансцендентное, заново интерпретируя, что такое Откровение, как Откровение освещает все проблемы, которые у нас возникли. Такая эпоха может занять много веков.

Ислам, гегемон Средних веков, отодвинутый в тень Новым временем, сегодня пытается взять реванш, но поворот к Посленовому времени может быть совершен только на основе усвоения нового, а не простым возвратом к Средневековью. Мусульманский мир, возможно, будет находиться в напряжении еще несколько десятков лет, точно рассчитать невозможно, это стихийный иррациональный процесс, но рано или поздно он выдохнется. Вопрос в том, когда это произойдет?

Следующая большая эпоха будет эпохой внешних ограничений, продиктованных экологией; неизбежные лишения могут быть уравновешены только ростом внимания к внутреннему миру человека. Тоталитарная диктатура – тупик, этот путь уже был испробован и отброшен, он ведет к разрушению культуры и гибели человечества. Нужна золотая середина. Насколько я понимаю, традиции Китая и Японии близки к этой середине. Они веками сочетали духовную свободу, необходимую для жизни культуры, с жесткой социальной дисциплиной.

В тупике, в пространстве без дорог иногда приходит второе дыхание. Тупик на плоскости истории – знак поворота в «глубь». Все прежние знаки мы пропускали без внимания. Убедит ли нас демография? Убедит ли нас опасность, грозящая не нам лично, а нашим ценностям, которые исчезнут вместе с нашими не родившимися внуками? Сумеем ли мы откликнуться на вызов судьбы? Возникает ли в гниющем обществе творческое меньшинство, способное рождать новые, живые слова, способное с плоскости, ставшей наклонной, увлечь в «глубину», к вечно живым истокам духа?